

Жанна Бочманова

Долго и счастливо

16+

Жанна Бочманова

Долго и счастливо

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Бочманова Ж.

Долго и счастливо / Ж. Бочманова — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Лучшее, что может случиться с человеком – отпуск на берегу теплого моря, где нет будильников, начальников и понедельников. А худшее – встретить на берегу того самого моря бывшего своего шефа-самодура, да еще и впутаться из-за него в криминальную историю с убийством, шантажом и старыми семейными тайнами. В оформлении обложки использованы фотографии с ресурса [pixabay](http://pixabay.com) по лицензии CC0.

© Бочманова Ж., 2017

© ЛитРес: Самиздат, 2017

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	24
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Глава 1

– Вы дозвонились до Красовского, Мария Владимировна? – ненавидяще прошипел голос в селекторе.

Мария Владимировна вздрогнула и на экране монитора испуганно понеслась вдаль буква «xxxxxxxxxxxxxxxx».

– Да! – выкрикнула она, нагибаясь к черному пластику. Из его недр доносилось потрескивание. Шеф молчал, но и не отключался. – Да, – повторила она, решив, что он не услышал.

– И что? – ожил опять селектор.

– Он в пробке, – вздохнув, сообщила она.

– Я. Просил. Дозвониться. До. Красовского. – Именно так, медленно и четко отделяя слова друг от друга, произнес шеф. – Вы дозвонились, Мария Владимировна? – голос его приобрел плачущее выражение.

– Я дозвонилась, – буркнула Мария Владимировна. – Он сказал, что стоит в пробке на Московском, и тут же отключился. А сейчас у него телефон не отвечает – связи нет.

– Черт знает что такое! – простонал шеф.

Селектор замер, погас красный злой огонек. Мария Владимировна опасливо покосилась на него. Нет, это не безобидный кусок черной пластмассы, это жуткий Терминатор – безжалостный робот-убийца: казалось бы, вот уже все – наши победили, ура, ура! Ан нет – снова вспыхивает адский красный глаз, и все начинается сначала: беги, спасайся кто может! А кто не может... А кто не может, вот как бедная Мария Владимировна, тот должен сгинуть. Но она не может позволить себе сгинуть. Нет, нет, только не она. Она выдержит, сможет, она сильная, умная и, вообще, супер! Руки долбили по клавиатуре, словно гаммы отыгрывали. Слепая печать, скорость сто восемьдесят знаков в минуту, а то и больше. В норматив при сдаче выпускных экзаменов она уложилась, а если бы не нервничала, так еще и не такую скорость показала.

Вот так все очень серьезно было в той школе референтов, которую она окончила, чтобы начать делать карьеру. У-у-у, какую карьеру бы она сделала, если бы... если бы не зловещный красный глаз... Ничего, осталось немного, еще месяц и она уйдет. Господи! Какое счастье уйти отсюда, уйти и не вернуться! Зато в трудовой книжке будет запись – год работы секретарем-референтом. И это первый шаг на блестящем карьерном пути.

«Там-там парам-там, там-там парам-пам, тарам-пам та-там пам...» – пела клавиатура под ее быстрыми длинными пальцами. Она всегда печатала под какой-нибудь ритм. Сегодня ритм был такой. Утешительный. Впрочем, такой он был практически каждый день, когда у шефа было плохое настроение. А плохое оно у него было всегда. И она его терпеть не могла. Ни шефа, ни его настроение.

***

Как же он ее ненавидел! Вообще-то, ему дела до нее не было. Но иногда так хотелось выскочить из кабинета и... придушить ее, что ли. До чего ж тупая баба! Ну как можно не понимать таких элементарных вещей? Ему нужен Красовский и именно сейчас. Мобильник на столе задрожал, затрясся, рассыпался звонкой мелодией.

– Да!

– Паш, дорогой, это я, – сказал в трубке голос Сашки Красовского.

– Саша, хорошо, что позвонил, ты мне нужен. У нас проблемы с «Припятью». Моя секретарша не могла до тебя дозвониться.

– А, так это секретарша была! – засмеялся Красовский. – Я-то думал! Представляешь, номер высветился незнакомый, я беру трубку, а там голос спрашивает: «Вы где?» «В Караганде», – отвечаю. А там опять: «Вы где?» «В пробке, – говорю, – стою, на Московском».

– И что?

– Да ничего, связь прервалась. Ты, Паш, скажи своей мамзели, чтобы представлялась хотя бы, а то я с перепуга решил, что меня опять адвокаты бывшей супруги разыскивают.

– Скажу, Саш, скажу. Ух, я скажу... – раздувая ноздри, просипел он.

– Ну излагай, – милостиво разрешил Красовский, – я здесь все равно надолго застрял. Что там у нас с «Припятью»?

Изложив своему юрисконсульту проблемы многострадальной «Припяти», Павел Сергеевич немного остыл, но все равно, прислушиваясь к звукам в приемной, болезненно морщился. Нет, надо на фиг увольнять, а то так и до смертоубийства недалеко, и вместо отпуска на знойном юге, пойдешь ты, родной, по этапу на север. Проблем и так много, чтобы еще и о персонале думать. В конце концов, есть у него кадровая служба, пусть она и думает. Хотя именно кадровая служба и постаралась. Ну Нина-то Львовна, ну ведь всегда же умудрялась как-то подбирать ему более-менее приличных секретарш. Но эта – ни в какие ворота не лезет! Он снял с вешалки пальто, оглядел безупречный кашемир – шерстинка к шерстинке – перекинул через руку и вышел в приемную. Предмет его душевных терзаний и головной боли сидел за компьютером и что-то там молотил по кнопкам.

– Мария Владимировна, – вкрадчиво начал Павел Сергеевич. Секретарша подняла глаза и вопросительно уставилась на него и даже как-то головой мотнула, чего, мол, тебе? – Мария Владимировна, а вы где учились? – так же вкрадчиво спросил он.

– В смысле? – удивилась она и откинулась на спинку кресла.

– В смысле вот это вот. – Рука широким жестом обвела офисное пространство, факсы, телексы, принтеры, сканеры...

– А, секретарскому делу-то? – догадалась Мария Владимировна. – В школе референтов «Катрин». Это очень престижная школа, Павел Сергеевич... – гордо сообщила она, – там...

– Это там вас учили, как нужно разговаривать по телефону, да?

– Учили, – кивнула она, как-то не очень, однако, уверенно.

– Я так и понял, – усмехнулся он и открыл дверь. – В следующий раз, когда будете звонить Александру Николаевичу, ну или кому-нибудь еще, не забудьте сказать «здравствуйте». А еще не забудьте представиться, что вы, мол, Мария Владимировна из фирмы такой-то. Хорошо? – Павел Сергеевич закрыл дверь и широким четким шагом пошел к выходу.

Так ей! А покраснела-то как! Аж за щеки руками схватилась. Ну ничего, если краснеть еще не научилась, может, не все потеряно. Хотя он знал эту категорию офисных барышень, очень хорошо знал. Мало работать, много получать, вот смысл их жизни. Учиться они ничему не хотят и не будут. Позаканчивали свои секретутские курсы и думают, все – профи! Эта хоть в штаны к нему не лезет, как предыдущая. Нет, предыдущая как раз была ничего. Можно даже сказать очень хорошо работала. Чего она уволилась? Он не помнил. Сколько их за десять лет его трудовой предпринимательской деятельности сменилось? Уже и счет потерял. Да и не считал он их никогда. Ему что надо? Чтоб работала: делала, что велено и не делала, чего не велено. Все. Неужели это так трудно? Сказать завтра Нине, пусть подыскивает другую секретаршу. А то не ровен час или сам зарежусь, иль зарежу кого...

***

– Что так и сказал? – ахала Наташка, помешивая трубочкой в длинном бокале. Невесомая кружевная пенка с мягким пришепетыванием поднималась и опадала, и все норовила соскользнуть по краю наружу.

– Так и сказал. Дура, ты, говорит, и невоспитанная хамка. Не здороваешься и уши у тебя не чищены.

– Да ладно! – фыркнула Наташка и засмеялась.

Мария Владимировна, для друзей просто Маша, тоже усмехнулась, хотя веселого-то было мало. И даже наспех придуманные посиделки с подругой в кафе не спасали отчаянного Машинного положения. И аутотренинг по утрам не спасал. Можно было часами твердить: «Я умная, способная, стойкая, я выдержу...» Все эти абберрации рассыпались в прах, стоило ей встретиться глазами с Павлом Сергеевичем. «Тупица непроходимая», – читалось в них, и ей сразу же хотелось запустить в него табуретом.

– Он меня специально унижает, – вздохнула она, – и кайф от этого ловит. Я же вижу. У-у, знаю я таких особей – для них ничего слаще нет, чем подневольного человека мордой об стол приложить.

– Чего же к такому на работу пошла? Ты же умная. Сразу-то непонятно было, что за фрукт?

– А я с ним и не разговаривала. Я с персональщицей общалась. Хорошая тетка, кстати. Я ей все про себя рассказала. И про школу, и про директрису. Как я вела кружок английского языка, как фильмы им на английском показывала. Я ведь хотела, чтоб детям интересно было, я же в институте еще и на всякие курсы повышения квалификации ходила. Это ведь методика такая. Они ведь у меня все-все говорить начали. Веришь?

– Верю, – вздохнула Наташка. – Уж в который раз тебе говорю, плюнь ты на эту школу. И уж если на то пошло, ты еще легко отделалась. Что там директриса на тебя повесить хотела? Срыв учебного процесса? Пропаганду жестокости и насилия?

– Я показывала хорошие фильмы, – упрямо тряхнула Маша головой.

– Боевики, – подтвердила Наташа.

– И их тоже. А что мне им надо было ставить? «Человек дождя»? Неинтересно им это. Пока неинтересно. Не поймут еще.

– А «Код да Винчи» поймут, да? – Наташка скептически скривилась и осторожно сняла губами пену с края стакана. Потом аккуратно, салфеточкой, промокнула молочные усы и добавила: – Скажи спасибо, что тебе еще растление малолетних не приписали.

– Спасибо, – машинально ответила она.

Да, с «Кодом» как-то не очень получилось. Для Маши фильм был хорош из-за актерского состава, тем, что можно было сравнить произношение американца, англичанина и француза.

Для директрисы факт показа в школе крамольного, на ее взгляд, фильма, подрывающего основы христианской религии, послужил прекрасным поводом избавиться от зазнайки и выскочки англичанки. Потому как не было больше сил терпеть не подконтрольную ей, то есть совсем неуправляемую девицу, вечно влезающую в педагогический, годами налаженный процесс, со своими новыми методиками.

Машу вызвали на ковер и без лишних слов предложили «по собственному», а иначе... Маша хотела сначала бороться, доказывать свою правоту, а потом посмотрела на эти лица, махнула рукой и подписала. За три года работы в школе она устала бороться с системой. Иногда ей казалось, что здесь собрались непримиримые враги, залегшие по разные стороны баррикад, только и ждущие сигнала к началу военных действий. У одной стороны, правда, были явные преимущества в боевой силе, зато у другой явный численный перевес. Война шла с переменным успехом, только одни расплачивались за поражения отсутствием нормальных знаний, и отвращением к получению оных в любой форме, а другие расшатанными нервами и острой ненавистью к детям, как к мировому злу. И неизвестно, кому приходилось в этой неравной борьбе хуже всего. Так и вышло, что три года пропали втуне: не получилось из Маши ни нового Макаренки, ни Песталюцки.

– А я говорила. На кой ляд ты в школу пошла? Три года зря потеряла, – озвучила Наташка горькие Машины мысли.

И оттого что это так совпало, ей захотелось немедленно возразить, что нет, не зря, не зря.

– Ну и что! – горячо вскинулась Маша. – У меня мальчик из класса грант на обучение в Англии выиграл. Родители звонили, благодарили.

– Один! – фыркнула Наташка. – Вот уж достижение!

– Так, я не поняла? Зачем я тебя позвала? Чтоб поплакаться. А ты меня критикуешь. Ты должна меня жалеть и утешать.

– Хорошо, – покорно кивнула Наташка. – Слушай. Ты самая умная, самая красивая, самая прикольная, самая веселая и, вообще, супер! А начальник твой – гнусный хорек, жирная свинья, гадкий крокодил, змея подколотная, нет, змей. И мы еще всем покажем!

– Ага! Дыбом шерсть, хвост трубой, выходите со мной на бой... Господи, как мне до отпуска дожить? А?

– Ты когда планируешь? – озабоченно спросила Наташка.

– В мае. Мы же договаривались, забыла?

– Ну не могу я в мае, – заскулила подруга. – Не отпускает начальник. Он у меня тоже – задница еще та! Давай позже или раньше?

– Раньше я не могу, мне надо хотя бы одиннадцать месяцев отработать, для стажа, и позже не могу – потому как нет больше моего терпения. Я в отпуск уйду, и заявление напишу сразу. И буду другую работу искать.

– Ну, как знаешь, – Наташка обиженно надула губы. Подумаешь, начальник ей не тот попался. Они еще и не такие бывают! – Одна поедешь? – спросила она небрежно. Может, подруга только прикидывается несчастной, а сама кавалера завела и скрывает?

– Ну и поеду, – пожала Маша плечами, – что такого? Там с кем и познакомлюсь, не проблема.

– Хорошо тебе, – вздохнула Наташка, – ты общительная.

Глава 2

Как же было прекрасно из неустойчивой, дождливо-пасмурной Питерской весны сбежать под мягкое нежное солнце этой благословенной Аллахом страны. Много чего повидал Павел Сергеевич за свою жизнь: в Египте возле пирамид в задумчивости побродил, в Красном море с аквалангом понырял, в Мертвом море на воде полежал, в Таиланде на всяческие экзотические массажи походил и пришел к выводу, что все это хорошо, но отдыхать он будет в Турции. Именно отдыхать, а не кататься на лыжах в Альпах и не гонять на джипах по Сахаре. Когда никаких звонков, никаких друзей-приятелей, а только три недели покоя, солнца, моря и горячего турецкого кофе. Ну и любимая женщина под боком. Что еще нужно человеку для счастья?

Павел Сергеевич вздохнул – неладно что-то в Датском королевстве. Что-то с любимой женщиной происходит, а что – не понятно. Вздыхает, грустит, обижается из-за ерунды. Он уж и так и этак старался, но жена, как партизан на допросе, стояла насмерть. Глаза прятала, от ответов уходила, и поделаться с этим ничего было нельзя. Именно вот эта манера в жене бесила его больше всего. Ну есть у тебя вопрос – задай, обиделась – скажи, чего душу-то из него рвать? Но она рвала и делала это, он подозревал, не без удовольствия. Ладно, хочет дуться, пускай. А он будет отдыхать. Вот пойдет сейчас, ляжет, очками глаза прикроет и будет слушать шум прибоя. Не было для него звуков слаще этого.

Было время, он в отпуск пять лет не ходил, пока производство налаживал. Все там требовало его постоянного присутствия. Максимум, что мог он себе позволить это на три дня вырваться куда-нибудь за город, но и там его доставали звонками, да он и сам всех тоже доставал. Но теперь-то он уже может вот так уехать на три недели, ни о чем не заботясь. У него отличная команда: все профи, директор по кадрам Нина Львовна держит народ в ежовых рукавицах. У нее не забалуешь: пьяный на работу вышел – штраф, треть от оклада, а если систематически, то, пожалуйста, на выход. Правда, такое в последнее время случалось нечасто: платил он работягам хорошо – оклад плюс сдельщина, получалось очень даже солидно. Заказов у них сейчас было много, а будет еще больше. Ах, какой он тендер выиграл!.. Городской заказ. Бюджетные деньги – сладкие деньги, говаривал его отец. А отец знал в этом толк: сорок лет главным инженером на заводе отпахал. Все хорошо, только вот секретаршу бы еще подыскать толковую.

Павел Сергеевич в шезлонге завожился, как большое сонное животное, пошарил рукой под собой, пытаясь нащупать пачку сигарет. Чего вспоминать-то? Ну дура и дура. Приеду – уволю. Он опустил ниже козырек бейсболки и блаженно затянулся. И не надо ему никакого другого отдыха. Его уже давно весь персонал отеля знает. Встречают как родного. Да и клиент Павел солидный: чаевые хорошие дает, водку целыми днями в баре не глушит, с девицами в номере оргии не устраивает. Жене, конечно, скучновато, она бы предпочла куда-нибудь в развеселую Ниццу поехать, но он на провокацию не поддался, а вот она – да. Он предложил ей одной в Ниццу эту самую смотаться, а он бы сюда, в тихий курортный городок. Как только любимая осознала, что на три недели муж останется без присмотра, вопрос о Ницце отпал сам собой. Но и здесь она не переставала играть, а у него не было желания подыгрывать. Поэтому жена сейчас сидела в номере, страдая мигренью, а он наслаждался одиночеством на берегу. Наслаждался, вспоминая непутевую секретаршу. Павел Сергеевич усмехнулся. Просто характер у него был такой: не любил он незавершенных дел. Надо было ее перед отпуском уволить, но он замотался, завертелся и забыл. Ладно, не думай, приказал он себе, расслабься.

Сбоку слышался шум шагов, шелест песка, кто-то прошел рядом, до него донесся аромат свежих духов, какой-то горьковато-цветочный, тонкий, еле уловимый. Его жена любила сильные запахи, дорогие, мускусные. Он приоткрыл глаза и чуть поднял козырек, провожая взглядом девичью фигурку. Девушка шла прямо к морю, неся в одной руке босоножки, в дру-

гой пляжную сумку. Где-то по дороге она бросила все и понеслась к голубовато-зеленой границе песка с водой. И в том, как она бежала, высоко вскидывая ноги, вязнувшие в мокром песке, как отпрыгнула от шаловливого пенистого языка, попытавшегося лизнуть ей пальцы, как засмеялась негромко, взвизгнула, когда волна с шумом все же накрыла ее чуть не по колено, было что-то такое близко узнаваемое, что Павел Сергеевич даже позавидовал. Представил, как приехала она вот только что и сразу побежала на пляж, даже вещи не стала распаковывать, так не терпелось ей заявить этому морю и этому солнцу, и песку – я здесь, я приехала, я с вами. Павел Сергеевич закрыл глаза и снова натянул козырек на нос и, кажется, даже задремал. Потом пришла жена, громко чмокнула в щеку, он проснулся, потянулся, намазал жене спинку кремом, приобнял как следует, чтобы поняла, какие у него далекоидущие планы на вечер и продолжил отдыхать по полной программе дальше.

***

Маша вышла из душа, скинула полотенчко, достала крем и принялась энергично втирать в кожу нежную эмульсию. На туалетном столике выстроились ряды баночек, флакончиков, тюбиков. А что делать? Красота требует. Крем от загара, масло для загара, лосьон после загара. А иначе не отдых будет, а сплошные мучения: кожа покраснеет, натянется на плечах, как пергамент, к вечеру поднимется температура, будет Машу колбасить до утра, кидать то в жар, то в холод. Нет уж, лучше пять минут потратить на втирание кремчика.

Тут Маша изогнулась под немыслимым углом, пытаясь достать место между лопатками. Вспомнила, как парочка на берегу натирала друг друга кремом.

Едва приехав, Маша сразу же на пляж понеслась. Она так именно и мечтала – кинуть все в номере и побежать, убедиться, что все в порядке: море шумит, солнышко светит, ничего не изменилось за год. На пляже по раннему времени никого почти не было. Только мужчина какой-то в шезлонге лежал, да две дамы сложноопределяемого возраста топлес на песочке разлеглись.

Надо было искупаться сейчас, пока опасный ультрафиолет не начал свое разрушительное действие. Маша скинула платье и неодобрительно посмотрела на бледное тело. Северная кожа отчаянно сопротивлялась любым попыткам подставить ее солнцу и сгорала моментально. Пришлось перед отъездом скупить жутко дорогую солнцезащитную серию в магазине. Но ничего, вот приедет она с курорта, отдохнувшая, загорелая, и пойдет на собеседование в какую-нибудь супер-пупер компанию; увидит ее тамошний босс, непременно молодой стильный красавец с голубыми пронзительными глазами, увидит, шмякнется со стула, сам собой в штабеля уложится и... Что дальше она смутно представляла, но как минимум на работу ее должны взять. А как иначе? Нина Львовна, директор по персоналу, заявление-то у нее приняла, сказала, конечно, что должен шеф подписать, после отпуска. Ну, он-то подпишет, она не сомневалась. А вот Нина Львовна еще и посетовала, что Маша уходит. Знала бы она, какой у них шеф на самом деле. Ей-то он наверняка не хамит.

Пока она так в мечтаниях на песке грезилась, к мужчине в шезлонге какая-то девушка подбежала, стала ластиться, спинку подставлять, плечики. Мужчина долго и старательно мазал кремом подставляемые части загорелого тела, потом поцеловал девушку в шею, потом еще куда-то, потом... потом Маша отвернулась, чтобы не позавидовать еще больше.

Как это люди умудряются найти друг друга? Вот как это можно понять, что вот с этим человеком захочется жить долго и счастливо, а с этим нет? Экспериментально-опытным путем, говаривала Наташка, only. Но Маша, что-то сильно сомневалась. Как это – экспериментально-опытным? Это, получается, надо с каждым пробовать? Так всей жизни не хватит, вся в опытах и пройдет. Должен быть какой-то критерий. Фразы из книг типа они встретились случайно и сразу поняли, что созданы друг для друга, Машу не убеждали. Вот еще, выдумали.

Что-то у нее ни разу так за все ее долгие двадцать пять лет не случилось. А случилось все очень буднично, обыкновенно: никаких тебе «глаза в глаза», «дрожи в коленках» – поце-

ловались, разделись, потом неловко хватали друг друга руками, потом как-то все же у них чего-то произошло. Было смешно и немного неудобно, и никаких тебе «страсть захватила их и повлекла за собой». Какая такая страсть? Они и сейчас встречались. Иногда. Олег карьеру делал, уделял ей много, очень много времени – карьере, не Маше. Она тоже пыталась... карьеру делать. Так что свидания их были довольно редки. Но официально считались парой. А что? Вполне в духе времени – первым делом самолеты, ну а девушки, а также и юноши потом.

Маша закрутила крышечку тюбика и критически оглядела себя в зеркале – очень даже ничего. Не супермодель, конечно, в смысле роста, но фигура пропорциональная, мышцы подтянутые, зря она, что ли, абонемент в спортклуб покупает. У нее годовой, на все виды фитнеса, так что ей не стыдно хоть анфас, хоть бэксайд продемонстрировать. Она вывернула голову, рассматривая этот самый бэксайд. Нет, определенно не устоит молодой стильный красавец-босс с пронзительными синими глазами. Определенно. Она усмехнулась. Наташка бы сейчас язвительно заметила: «И его жена тоже». Почему-то у молодых стильных красавцев, где-то рядом всегда крутилась жена, молодая стильная супермодель. Вот как давеча на пляже. Она мимо проходила, глаза-то скосила: длинные крепкие ноги, подтянутый живот, даже вроде с кубиками; сильная загорелая рука с сигаретой, небрежно свисающая с подлокотника. Ничего так. А потом прибежала его подруга, а может, даже жена, такая вся высокая, белокурая, похожая на породистую тонконогую арабскую лошадку. И волосами она так же встряхивала, как гривой. Маша повела головой слева направо. Так, кажется. Нет, не так. Вот так. И она еще раз повторила запомнившееся ей движение. И даже заржала тихонько: «И-го-го», – и засмеялась. Господи, чего только в башку не лезет.

Маша оделась и пошла в бар. А где еще можно скоротать время до ужина, за чашечкой ароматного турецкого кофе? В баре было прохладно, негромко гудел кондиционер, давешние любительницы приема солнечных ванн топлес сидели у барной стойки и активно кокетничали с молодым белорубашечным барменом. Негромко играла музыка, журчал фонтанчик, Маша решительно двинулась к столику в углу.

– Девушка! Девушка! – раздалось откуда-то сбоку. Маша повертела головой. – Я здесь, – раздалось снова. И тут Маша ее увидела. Белогривая арабская лошадка, резво кивая, делала рукой круговые движения, подзывая ее к себе. Маша сделала удивленные глаза, но подошла. – Девушка, вы же из Питера? Да? Присаживайтесь, – и она указала рукой на свободный стул. – Меня Яна зовут, а вас?

– Маша, – ответила Маша и села.

– Маша, – обрадовалась Яна. – Я тоже из Питера. Я с мужем. Здесь тоска смертная. А мой отчего-то сюда каждый год ездит. А я первый раз. Мы недавно поженились, – похвасталась она.

Маша невольно засмеялась. Яна ей понравилась. Она же хотела с кем-нибудь познакомиться. Пусть будет Яна с мужем. Подлетел официант. Маша заказала кофе и минеральной воды. Через пару минут они уже вовсю болтали: сначала обсудили новую косметическую серию известной французской марки, потом новинки бутика «Babochka», потом перешли на всевозможные диеты. Время пролетело незаметно.

– О, – сказала Яна, глянув на часы, – пора пупсика будить, а то ужин проспит. – Пойдем сегодня на дискотеку? В соседнем отеле, я узнала, очень даже неплохая программа. Там и контингент, не то что у нас. Пойдем?

– Пойдем, – кивнула Маша и помахала рукой на прощание.

Ей так контингент очень нравился. Солидный семейный отель для семейных пар. Сюда они в прошлом году ездили все вместе. Папа, мама и она. Маша вздохнула. Было здорово. И на дискотеки они ходили. И папа танцевал с мамой. И мама была такая счастливая и веселая. А в этом году они не поехали. У папы, как всегда, работа. И Наташка не смогла. А про Олега и говорить нечего – он никогда не мог. И пришлось Маше одной ехать. Ну и ладно. Она уже взрослая девочка, ей и одной не будет скучно.

Маша пошла в ресторан, там уже собирался народ, мамочки пытались насильно накормить неразумных чад вкусными и полезными морепродуктами. Чада кормиться не хотели и капризничали. Маша с удовольствием поела: и салатик съела, и мясо как-то по-особому приготовленное, а под конец еще и от булочки с джемом не отказалась. Ерунда все эти диеты, больше двигаться надо и все. Она зевнула, прикрыв рот ладошкой. Спать хотелось – сил никаких нет. А если еще на дискотеку идти, так это значит еще до двух, трех ночи не спать. Яна в ресторане так и не появилась, наверное, не смогла разбудить «пупсика». Маша вернулась в номер и рухнула на кровать.

***

Павел пробирался сквозь толпу, раздвигая руками спины, касаясь обнаженных частей тела длинноногих красавиц. Красавицы хихикали, подмигивали, выставляли напоказ упругие попки и бюсты. Черт знает что такое! Спал бы сейчас сном младенца. Но нет, жене вздумалось пойти танцевать.

Он мычал сквозь сон в надежде, что как-то это все минует его, отмахивался, стонал даже, что у него голова болит. На что Яна фыркала и продолжала тормошить его, потом отстала и куда-то пропала на время. А потом снова пришла, наклонилась близко-близко и зашептала в ухо: «Дорогой, я пошла. К обеду не жди». Он глаза приоткрыл чуть-чуть, ровно настолько, чтобы увидеть Яну во всем блеске: копна белокурых волос водопадом по спине, маленькая тряпочка, едва-едва прикрывающая грудь, другая тряпочка едва ли больше на попе и длинные-предлинные загорелые ноги на умопомрачительных каблуках. Жена усмехнулась, довольная произведенным эффектом, послала ему воздушный поцелуй и скрылась с глаз.

Павел еще полежал немного, понимая, что все – лафа кончилась, и встал. Поплескал из-под крана воды в лицо, энергично утерся, осмотрел себя в зеркале критически. Лицо помято, к вечеру щетина повылезла, глаза мутные от пересыпа. Да уж. Он повел плечами и энергично хрустнул шеей. Плечи слегка саднило. Надо было днем еще намазать кремом, а он, как всегда, забыл. Так, бриться он не будет. Он на отдыхе. Футболку, пожалуй, переоденет и брюки тоже. То есть, шорты снимет, а брюки напялит. Хотя дикость это – на курорте в брюках ходить. Но в шортах его, скорей всего, не пустят. Или пустят? Черт! Он никогда не ходил на эти дурацкие дискотеки при отелях. Он приезжал и садился в шезлонг и сидел там ровно три недели. Ну ладно, не пойти он не может. Иначе он Яну и правда до обеда не дождет, особенно в этих тряпочках. Павел усмехнулся. Тряпочки стоили столько, что он вполне серьезно подозревал производителей в каком-то страшном надувательстве. За что? Может, там золотыми нитями прошито? Или бриллианты вместо пуговиц вставлены? Но ни золота, ни бриллиантов на тряпочках не наблюдалось, а женщины все равно сходили с ума, как будто им всем мозги промыли хорошенько.

Павел искал глазами жену, не сомневаясь, что долго искать не придется. В любой толпе, в любом обществе она выделялась сразу и неизбежно. Яна обнаружилась в центре танцевального пятачка: белые волосы летали за ее спиной, гибкая спина совершала немыслимые повороты, стройные бедра зазывно вращались. Рядом раздался длинный вздох: молодой турок не сводил с Яны глаз. Павел сочувственно усмехнулся и отошел к стойке бара. Заказал виски со льдом, облокотился, встал так, чтобы краем глаза следить за женой, сделал глоток, поглотил немного во рту обжигающий напиток, посмаковал, проглотил, вздохнул удовлетворенно. А может, и хорошо, что пришлось пойти. Сто лет он уже нигде не был. Он оглядел зал: до чего же забавно было наблюдать за всеми. Вон шумная компания в углу. Сдвинули столики, уставив все пространство бутылками. Вон стайка девиц в боевой раскраске и дорогих тряпочках, видать, серьезно на охоту вышли. Вон толстый папик в окружении парочки совсем юных Лолиток. Человеческая комедия – Бальзаку и не снилось.

- Что-нибудь еще? – спросил сзади бармен. Павел хотел ответить, но не успел.
- Кофе, пожалуй, – раздалось сбоку, – и еще стакан сока. Такого же.

Павел чуть повернул голову. Рядом на высоком стуле восседала девушка и тоже с любопытством разглядывала происходящее в зале. Виднелась только русая прядь, заложенная за ухо, да чуть вздернутый носик. Бармен, не переставая улыбаться, поставил перед ней стакан апельсинового сока, а чуть погодя крохотную чашку эспрессо. Девушка заходила в кармане узких полотняных брючат.

– За счет заведения, мадам, – ослепительно улыбнулся бармен. Она вопросительно вздернула брови. – Вы были у нас в прошлом году. С мужчиной и женщиной. Они танцевали танго. Там. – Бармен кивнул на танцплощадку.

Девушка звонко рассмеялась.

– Да, мои родители. Неужели вы помните?

– Конечно, – проникновенно заявил бармен, – как я мог забыть такую женщину...

Павел усмехнулся. До чего наивны эти девицы. Сейчас он начнет ее клеить, а она будет глупо хихикать и...

– Да, – кивнула девушка, – мама очень красивая, – взяла чашку и повернулась спиной к оторопевшему бармену.

Павел заинтересовано посмотрел на ее профиль. Она отхлебнула немного кофе и даже зажмурилась от удовольствия. Ее чувства были понятны, он и сам был заядлый кофеман.

– Спасибо, – девушка одним глотком допила крохотную порцию и поставила чашку на столешницу, – очень вкусный кофе. – Тут она вроде как заметила Павла, то, как он разглядывает ее почти в упор, и повернула голову. Брови ее нахмурились, и она уже, наверное, хотела сказать ему что-то язвительное, но не сказала. Рот ее удивленно открылся, потом закрылся, глаза вытаращились.

– Павел Сергеевич? – изумленно выдохнула она и даже рукой замахала, отгоняя видение. Спрыгнула с высокого стула на пол и оказалась Павлу по плечо, он в изумлении уставился на ее макушку.

– Пупсик! – закричала подбежавшая Янка, и звонко чмокнула его куда-то в ухо. – Познакомься с Машей. – И она схватила, совсем было уже удравшую девушку, и толкнула ее к Павлу, прямо в руки. – Маша, – опять закричала она, – это Пашка. Мой муж. Он лентяй, но очень хороший. Паш, Маша тоже из Питера, мы сегодня в баре познакомились...

Яна продолжала возбужденно кричать, пытаясь переорать музыку, а Павел и Маша буровили друг друга взглядом и молчали. Тут заиграла новая мелодия, Янка взвизгнула и умчалась в эпицентр танцующих силуэтов.

– Здравствуйте, э-э... Мария Владимировна, – сказал, не придумав ничего лучше, Павел.

– Здравствуйте, Павел Сергеевич, – уныло откликнулась Маша. – Как это вы меня все-таки узнали? – не удержалась она от ехидства.

– А почему я не должен узнать свою секретаршу? – тем же тоном ответил он.

– Потому что вас не интересуют такие мелочи, Павел Сергеевич, – отбрила она.

– Ну, вас-то я запомню, Мария Владимировна, будьте уверены.

– Сделайте одолжение, не забывайте, – Маша сделала легкий книксен.

– Почему вы хамите, Мария Владимировна? – вскинулся Павел.

– А я у вас больше не работаю, Павел Сергеевич. Слава богу, – и она перекрестилась.

– Да что вы тут делаете? – Павел разозлился не на шутку.

– Как что? – засмеялась Маша. – Дозваниваюсь до Красовского. – Повернулась и шагнула в толпу извивающихся под ритмичную музыку тел.

Павел мрачно проводил ее взглядом и заказал еще порцию виски. Вот что такое не везет и как с ним бороться?

– Ага! – торжествующе закричала Яна, вынырнувшая из-за спины, – Пьянствуешь тут без меня? А Машка в отель пошла, у нее голова разболелась. А ты не вздумай напиться, иначе, зачем ты меня весь день обнимал, а? Смотри, легко теперь не отделаешься... – И она прижалась к нему молодой горячей грудью так сильно, что кровь рванула к сердцу, как выстрелившая из бутылки пробка, и в висках заломило, а уж внизу и подавно, и зашумело, и заломило, и зашевелилось...

Яна почувствовала эти шевеления и коварно засмеялась. А бармен смотрел на эти обнимания, и в глазах у него была такая вселенская тоска и зависть, что Павлу аж жалко его стало, чисто по-мужски жалко. А потом он гордо вскинул голову, обвел взглядом зал, расправил молодецкие плечи и повел свою жену-раскрасавицу на выход.

Глава 3

Ах, ну что ж так везет-то? В смысле не везет. Не везет и не едет. Маша неторопливо скользила по водной глади. На носу болтались очки. Приходилось следить, чтобы не дай бог не утопить бесценную вещь. Самое важное под палящим турецким солнцем это не допустить возникновения морщинок у глаз. И она старалась. Она уже долго плавала и все не могла успокоиться. Ведь так все было хорошо, пока не возник, как в кошмарном сне, ужасный Павел Сергеевич, так его разэтак. Надо же, оказывается, шеф обладатель весьма недурственной фигуры. А она-то вчера косилась на кубики на пузе. Знала бы, чьи это кубики, хе... А как он вчера разглядывал ее бесцеремонно? Она даже хотела что-то такое едкое сказать небритому наглецу...

Чтоб Павел Сергеевич когда небритый на работу пришел? Да он всегда заявлялся одетый с иголки, в надраенных до блеска ботинках и ароматах дорогого парфюма. И за эту, как ей казалось, нарочитую показушность она его терпеть не могла. Хотя отец тоже всегда одевался безупречно, но у него работа такая. К тому же папа никогда бы не стал хамить секретарше... Да и секретарши у него не было. Была мама – помощница, соратница, сотрудница, три в одном... Вот в этом, наверное, секрет счастья, чтобы было общее, одно на двоих дело. Тогда и «глаза в глаза» и «дрожь в коленках» и «долго и счастливо». А у нее какое одно на двоих дело может быть вот с Олегом, например? Никакого, грустно констатировала она. Что и требовалось доказать. А у Павла Сергеевича и Яны? Но ведь тоже «глаза в глаза», она вчера видела на пляже.

Маша вздохнула и повернула к берегу. Мысль, что ненавистный шеф, бывший, бывший, слава тебе, господи, может быть или казаться обыкновенным человеком, и даже небрежно носить одно – или как там правильно – трехдневную? модную щетину была неприятна. Как будто это Маша виновата, что не смогла наладить отношения с начальником. Она ведь компанийский человек, у нее много друзей и все ее любят. Почему же с ним-то не получилось нормальных человеческих отношений? Раньше она говорила себе, потому что он такой... индюк надутый. А теперь что говорить? Чем утешиться? А директриса в школе? Тоже почему-то ее невзлюбила. Почему? Может, это не с ними, а с ней, Машей, что-то не так? Настроение испортилось окончательно. Маша вылезла из воды и старательно встряхнулась, совсем как их дачный пес Артошка. Ну и бог с ним. Не уезжать же теперь. Поставлю его в «игнор». Маша улыбнулась, уселась в шезлонг и раскрыла заботливо припасенную книжечку.

Нехитрая сентиментальная love story вскоре увлекла ее, и она позабыла о пустяках вроде вредного шефа, пытающегося испортить ей долгожданный отдых. Скрамная, прелестная наследница павшего в неравной схватке с койотами владельца ранчо изо всех сил пыталась отстоять свое женское достоинство и права на поместье. На него покушались ежесекундно. И на достоинство, и на поместье. Скрамница активно сопротивлялась, изредка постреливая из ружья и периодически заливаясь горячими слезами на папенькиной могиле.

– Ма-ша! – раздалось издалека.

Маша с неудовольствием оторвала глаза от страницы – наследница как раз перезаряжала ружье, отстреливаясь от очередного претендента на руку и счет в банке.

– Ма-ша! – закричали снова.

Маша вздохнула и повернула голову. Ну что ж, она никогда не пряталась от проблем. Папа всегда говорил, что лучше сразу отмучиться, чем долго решаться сделать что-либо.

– Ты не слышишь, что ли? – Яна подбежала и приветливо махнула рукой. – Я тебе кричу, кричу... Иди к нам. Пашка спит целыми днями, а мне скучно, – сказала она капризно.

Маша встала и чуть отодвинулась – спряталась за шезлонг. Так она чувствовала себя более уверенно.

– Ян, – сказала Маша и вздохнула, – Ян, ты не обижайся, но к вам я не пойду. Помнишь, я тебе вчера рассказывала про шефа, что он придурок, и что я сюда уехала на последнем издыхании?

Яна безмятежно улыбнулась и слегка пожала плечами. Ничего такого она не помнила. Да, был вчера какой-то разговор. Но Яна, конечно, не приняла это всерьез. Подумаешь, какие-то неприятности на работе... Как, вообще, можно где-то там работать? Скука ж смертная.

– Так вот, – Маша собралась с духом и выпалила: – Этот мой шеф и есть Павел Сергеевич.

Яна смотрела на нее, продолжая улыбаться. Потом пошевелила ногой песок, подумала еще немного и спросила:

– Павел Сергеевич? И что?

Маша поняла, что столкнулась с неизвестным ей явлением.

– Как что? – она почесала лоб. – Павел Сергеевич – мой шеф. Я у него работаю. Вернее, уже не работаю. Вернее, он еще не подписал, но я уже написала и...

– Так, – очнулась Яна, – я не поняла, Павел Сергеевич – это Пашка, что ли? – Маша энергично кивнула. – Ага, – Яна склонила голову набок, – а вчера вы тут встретились типа совершенно случайно?

– Ну да, – удрученно сказала Маша, – представляешь, какая невезуха...

– Представляю, – усмехнулась Яна. Нехорошо так усмехнулась.

И Маша почти пожалела, что затеяла этот разговор. Но что же ей было делать? Скрываться все три недели? Ведь Яна бы продолжала навязывать ей свою компанию. Неужели Павел Сергеевич ничего ей не рассказал? Яна дернула плечиком, посмотрела на Машу, цепко схватившуюся за спинку шезлонга, хмыкнула, крутанулась на песке и побежала к пляжному зонтику, под которым то ли спал, то ли медитировал ее муж. Встала напротив и что-то закричала ему. Маша не слышала что, да и не хотела слышать. Тот сначала никак не реагировал, потом вроде зашевелился, приподнял козырек кепки. Яна продолжала кричать, энергично жестикулируя и показывая в Машину сторону.

Маша поспешила отойти подальше, к морю, а потом и вовсе вошла в воду и поплыла прочь от берега. В спешке она забыла очки, и теперь яркое солнце нещадно слепило. Она щурилась, отворачивала голову и ругала себя последними словами. Зато выйдя на берег, с облегчением обнаружила, что ни Яны, ни Павла Сергеевича на пляже нет. Вот и хорошо. Книжка звала продолжить чтение. Правда, сочувствия героине у Маши поубавилось.

Наследница оказалась редкостной душой, потому как с ходу отдалась какому-то пришлому ковбою, который теперь рассчитывал на продолжение. А на продолжение героиня почему-то не соглашалась, да еще зачем-то собралась выйти замуж за местного шерифа, редкую сволочь. Ковбой ускакал в горы, а героиня побежала рыдать на могилу. Бред! Маша раздраженно захлопнула книгу и поплелась в отель.

Прошла мощеной дорожкой, окаймленной чахлыми кустиками, и тут на входе на нее и налетел Павел Сергеевич, собственной персоной. А она так была погружена в грустные мысли, что не сразу его и заметила.

– А! Вот вы где! – прошипел Павел Сергеевич, схватил ее за руку и протащил мимо стеклянных дверей наружу, на дорожку, ведущую к бассейну. – Вы что с ума сошли? Вы чокнутая? У вас не все дома? – кричал он Маше прямо в лицо.

Она таращила глаза и пыталась как-то освободиться. Но он держал ее крепко, стиснув руку выше локтя так, что из глаз аж слезы брызнули, как было больно.

– Пустите! – завопила она, наконец.

На них уже оборачивались. Из дверей выглянул озабоченный служащий. С любопытством посмотрел, но никаких попыток помочь Маше не предпринял. Мало ли что у этих туристов на уме?

– Что вы наговорили моей жене? Мария Владимировна? А?

– Да пустите же, – пыхла Маша. Щеки ее пылали. Вот развлечение-то для отдыхающих. Красота! – Я ничего не наговорила! – крикнула она и стукнула Павла Сергеевича локтем в грудь. Тут он ее встряхнул как следует, аж голова у нее мотнулась туда-сюда. – Пустите! – еще раз вскрикнула Маша и саданула его ногой в голень. И тут он ее, наконец, выпустил. И она схватилась рукой за место, которое он только что сжимал изо всех сил, и даже заскулила, как ей было больно. – Придурок, псих, скотина! – бросила она ему и пошла прочь.

Служащий отеля с непроницаемым лицом смотрел ей вслед.

***

К вечеру поднялась температура, на плечи будто насыпали горящих угольев. Любое прикосновение причиняло невероятную боль. Маша тряслась в ознобе и обзывала себя недотепой. Надо же быть такой идиоткой: из-за всей этой истории с Яной Маша совсем позабыла о кремах и лосьонах от солнца. И вот печальный результат. Она даже на ужин постеснялась пойти. Лицо красное хоть прикуривай. Сгорело все, даже шея. А хваленые импортные средства, призванные спасать в такой ситуации, ничего не спасали, а наоборот. От них кожа, казалось, горела еще больше. Нет, ну что такое не везет и как с ним бороться?

В дверь постучали. Маша с трудом встала и поплелась к двери. Стук повторился. Она взялась за ручку и уже хотела повернуть, но чего-то вдруг забоялась.

– Кто там? – робко спросила она у двери. Дверь не ответила. Маше стало не по себе.

– Откройте! – приказали снаружи.

– Вы кто?

– Откройте, – Мария Владимировна, нам... надо поговорить, – сказал Павел Сергеевич.

Нам надо объясниться, говаривали в романах. Объясняться с шефом, тьфу, тьфу, бывшим, Маша не хотела. Она вздохнула.

– Да откройте же! – В дверь стукнули и, похоже, ногой.

– Не открою, – заявила Маша. – Идите вы, знаете, куда?

– Яна у вас? – спросил из-за двери Павел Сергеевич.

– С чего ей быть у меня? – удивилась Маша.

– А где же она? – опять спросил шеф (бывший, бывший). – Черт! – Теперь по двери стукнули кулаком.

Маша подождала чуть-чуть и все же решилась: приоткрыла дверь и выглянула в коридор. Павел Сергеевич еще не успел уйти далеко. Он обернулся, и она увидела хмуро сдвинутые брови и, бог его знает, какого дня щетину. Павел Сергеевич постоял немного, а потом решительно вошел в Машин номер. Тут Маша сообразила, что стоит практически голая, и сунулась в ванную за халатом. Морщась от боли, она вышла и прислонилась к косяку.

– Яна ушла, – сказал Павел Сергеевич. – Мы поссорились, и она ушла. И до сих пор ее нет.

Маша пожалала плечами и скривилась. Как же больно! Сейчас бы сметаной намазаться. Холодной белой сметаной и к утру красноту как рукой снимет. Только где ее взять? В магазин она в таком состоянии не дойдет. Да и где тут ближайший магазин, где можно купить сметану?

– Зачем вы сказали, что работаете у меня?

– А почему я должна это скрывать? И почему вы сами этого не сказали? – отрезала Маша.

– Потому. Вы не знаете мою жену. Она из всего может сделать проблему, – Павел Сергеевич сел на диван.

– Из ничего, – пробормотала Маша.

– Что?

– Женщина из ничего может сделать три вещи – шляпку, платье и скандал.

Павел Сергеевич дернул щекой и остался сидеть дальше. Маша маялась у стены и больше всего на свете хотела, чтобы он убрался страдать куда-нибудь в другое место. В конце концов, она не виновата, что у него такая жена... впечатлительная.

– Вот куда она могла пойти, а? – спросил Павел и достал из кармана сигареты.

Нет, он еще и курить у нее будет? Решил, что он у себя в кабинете, а она его преданная секретарша?

– Может, вам лучше спросить у портье? – предложила она и даже показала в сторону двери.

Но Павел намека не понял. Затянулся глубоко, помахал рукой, разгоняя дым, и огляделся в поисках пепельницы. Пепельница стояла на подоконнике. Он встал, прошел к окну, постоял, глядя в густую темноту.

– Я уже спрашивал. Они не видели. Или не поняли, что я спрашиваю. Головами кивают, улыбаются, хрен поймешь.

Маша вздохнула. Ей очень хотелось скинуть махровый халат, который словно наждачной бумагой царапал обожженную кожу при малейшем движении.

– А вы ей звонили? – спросила Маша и махнула рукой. Понятное дело, если б он ей позвонился, не бегал бы сейчас в переживаниях. – А не могла она домой уехать? Улететь, в смысле.

Павел мотнул головой.

– Она не взяла ничего. И паспорт на месте. Из-за вас все!

– Ага, – кивнула Маша, – это я, значит, виновата? Из-за чего сыр-бор?

– Она решила, что вы... что я... А, да ну вас! – он затушил сигарету, и Маша уже было обрадовалась, что все, сейчас встанет и уйдет, но Павел тут же достал другую и снова задымил.

– Что я? И что вы? – нахмурилась Маша. Эта избалованная девочка решила, что они с шефом любовники? И тут она начала смеяться.

Павел хмуро глянул и заиграл желваками, посмотрел на руки, сильные крепкие ладони, стальные пальцы, сжать бы тонкую шейку...

– Вы что? – Маша перестала смеяться и потрогала рукой щеки – вроде не лопнули. – Бросьте, Павел Сергеевич, это ж не мелодрама, в конце концов. Ваша жена не походит на дуру, отнюдь. Она просто ей притворяется. А вы ей успешно подыгрываете. Вернется ваша Яна, никуда не денется.

И оттого что эта пигалица, тупая дура, как он ее всегда называл, так просто и ясно сказала то, что он и сам знал, Павел вскипел.

– Идиотка! – закричал он. – Сама ты дура тупая!

Маша и так была пунцовая, а тут кровь бросилась в голову, вот теперь-то щеки точно чуть не лопнули.

– Сам придурок! Болван напыщенный! – закричала она в ответ. – Хамло!

– Я хамло? – вскипел Павел и подскочил к ней.

Маша отшатнулась в сторону.

– Вы хамло, – повторила она. – Вы за все время, что я у вас работала, ни разу не поздоровались. Ни разу «до свидания» не сказали. Про «спасибо» я, вообще, молчу.

– Да за что тебе «спасибо» говорить? Ты ни одного дела толком выполнить не могла. Или забудешь, или перепутаешь. Тупица!

– А что это вы мне тыкаете? Я вам что, девочка на побегушках?

– Как хочу, так и говорю. Я тебя все равно уволю!

– Нет уж. Я сама уволюсь, я уже уволилась. Может, найдете себе идиотку, которая будет терпеть ваши выходки. Самодур! Ай! – Павел схватил ее за плечо. От боли у нее заискрило в глазах, и она треснула ему со всей силы кулаком по носу. – Мама дорогая, – прошептала она, глядя, как на белую футболку капает кровь. Тут Маше стало совсем плохо, и она привалилась к стене.

– Ну что вы стоите? – гнусаво прошипел Павел, зажимая нос рукой. – Полотенце дайте.

Маша стояла, выкатив глаза, но с места не двинулась. Павел выругался негромко и, запрокидывая голову, добрался до ванной. Там он долго плескался водой. Потом вышел, швырнул на пол окровавленное полотенце, рванул на себя входную дверь и громко хлопнул напоследок.

Маша вздрогнула, шмыгнула носом и заревела. Слезы, горячие, почти огненные, прожигали борозды на опаленных щеках, скатывались в рот, где растекались со странным полынным вкусом. Господи, она за одиннадцать месяцев чего только не натерпелась, и то ни разу не заплакала. Злилась, пытела, но плакать? Не дождетесь. И вот теперь рыдала навзрыд. Нет, отдых, определенно удался.

Глава 4

Вот чего Павел точно не ожидал в этой жизни, так это удара по носу от своей секретарши. Что она там плела про увольнение? Черт! Ни одна женщина никогда не била его по носу. Пощечины были. Это да. Бывшая жена практиковала. Кто-то когда-то сказал ей, что пощечина – это очень женственно. Вот она и старалась. Правда, у нее это получилось всего один раз, во второй он ей ответил. Империя наносит ответный удар, да. Он и ударил-то слегонца, но жена все равно отлетела к стенке. А Павел тогда сказал, помнится: «Оль, до греха не доводи. Я ж армию рукой гну». И жена все прекрасно поняла. Хотя и прожили они после этого недолго. Он пошмыгал носом. Там что-то все еще хлюпало. Павел оглядел залитую кровью грудь, содрал футболку и полез в мини-бар. Черт! Виски осталось на пару глотков. Водки не хотелось. От нее завтра будет мутить желудок, и вонять изо рта. Собирался же сегодня купить целую бутылку любимого «Джонни Уокера», но из-за Янкиных закидонов, конечно же, забыл. Он задумчиво перебирал оставшиеся в баре напитки. Что за гадость они здесь понапихали! Голова раскалывалась. А Янки все нет. Он автоматически нажал кнопку вызова на телефоне. Послушал гудки и мрачно решил – вернется, оторвет ей ноги по самое не могу.

Маша мучилась и страдала, лежать не было никакой возможности. Стоять, что ли, всю ночь, как боевая лошадь? Она пробовала приложить лед, но от него стало еще хуже. Господи, зачем, зачем, она поехала одна? Теперь никто не принесет ей сметаны, и не намажет спину, и не станет терпеливо обмахивать опахалом из павлиньих перьев. А вдруг она умрет и будет сиротливо лежать в номере, пока какая-нибудь горничная не обнаружит ее распухший от жары труп? Бр-р-р!

Нет уж. Ничто и никогда не могло надолго выбить Машу из колеи, даром она три года в школе оборону держала? Да один только Димка Максимов сколько крови у нее выпил пока... пока она не нашла к нему подход. Да и остальные тоже не сахар были, вовсе не мальчишки-конфетки. А девочки? О! Тоже не девочки-ромашки, отнюдь. Так что Павел Сергеевич по сравнению с ними просто мелочь. Так, грубый невоспитанный хам с замашками большого босса. А на самом-то деле, тьфу! Ничто и никто не испортит ей отдых. Ни хамоватый шеф, ни солнечный ожог. Покряхтывая и постанывая, Маша сползла с кровати, влезла в просторную футболку, длинную широкую юбку, сунула ноги в пляжные тапочки и решительно вышла из номера. Идти приходилось очень осторожно, стараясь как можно меньше задевать одеждой горящую, сухую, готовую лопнуть, воспаленную кожу.

В баре, как всегда, было многолюдно. Отцы семейств, уложив чад, а кто и жен, предавались заслуженному отдыху. Из бильярдной слышался сухой треск костяных шаров. Маша подошла к стойке и кивнула бармену. Тот улыбнулся. Если Машина просьба и удивила его, то вида он не подал.

Павел сидел за столиком в компании широкогорлого стакана с виски и мрачно испепелял взглядом мобильный телефон, посматривал на часы и медленно свирепел. Время показывало полночь. Он убьет ее, а потом выпорет. Нет, сначала выпорет, а потом убьет. И больше никаких игр! Яна виртуозно справлялась с ним, прекрасно зная, что его кнопка находится там же, где и у большинства мужчин. Каждый раз он говорил себе, что все, больше он не потерпит ее выходок, и каждый раз покорно прыгал через обруч, снова и снова. Но на этот раз она перегнула палку.

Краем глаза он заметил истеричку, разбившую ему нос. Сейчас-то он ее сразу узнал. Вон чего-то с барменом толкует. Выпить, что ли, захотела или свидание назначает? Его бесили бабы, приезжающие к морю за своей порцией любовных утех. В отеле было полно холеных

сорокалетних женщин, которые только так и проводили свой «сексхолидей». Эта хоть и молодая, но дура душой, с нее станется и с барменом роман закрутить, ишь, как он ей усиленно авансы строит, ручки к сердцу прикладывает, глазки умильно закатывает. А эта дурища, ничего, стоит рядом, уши развесила, лыбится во весь фейс. Роба красная, тьфу!

Павел сжал стакан в лапищах. Ярость, темная мутная, поднималась откуда-то снизу, заполняя все свободное пространство, он просто физически ощущал, как она колотится уже где-то возле горла. Сейчас он готов был убить любого, кто неосторожно подвернется ему под руку. Он знал за собой эти плохо контролируемые припадки гнева в момент, когда что-то не поддавалось его воле, но на работе легко гасил их, закованный, как в броню, в английский деловой костюм.

Когда-то, в самом начале, он терпеть не мог всякие там пиджаки, галстуки и кожаные папочки. Он создавал свой завод, оборудовал цеха, сам вместе с рабочими учился гнуть швеллер, так его не так, отрабатывал технологии, изучал документацию, бегал по большой, не обустроенной еще территории в свитере с закатанными до локтя рукавами и армейских ботинках с высокой шнуровкой. Домой приходил уставший и голодный, как бездомный пес, и жадно ел наспех сваренную рассыпчатую картошку. Иногда просто, а иногда с маслом или сосисками, если каким-то чудом не забывал зайти в магазин. Ему всегда было жаль тратить драгоценное время на всякие там магазины. У отца была специальная диета: каши на воде и кисели, которые варила приходящая домработница. Просить ее варить еще что-нибудь для него, Павла, ему и в голову не приходило. Ни ему, ни отцу, которому всегда было неловко, что у него вот, как у буржуа, домработница.

Батя, всю жизнь отпахав в строительстве, пройдя путь от разнорабочего до главного инженера, так и остался верен делу партии Ленина. И даже теперь, пройдя нескольких операций, после которых от желудка практически ничего не осталось, продолжал таскаться на коммунистические митинги.

Павел усмехнулся и осторожно разжал пальцы. Стакан, слава богу, не треснул, а ведь мог. Сколько он их передавал уже за свою жизнь. К красномордой девице возле стойки подбежал молодой парнишка в бордовой форменной жилетке, с пакетом в руке. Девушка заглянула в пакет и расцвела от счастья, принялась благодарить, деньги достала, замахала руками, видимо, показывая, что сдачи не надо. Презервативы он ей, что ли, бегал в аптеку покупать?

Павел посмотрел на телефон и снова нажал на вызов. «Зайка моя, я твой хвостик...», запиликало рядом, Павел судорожно дернулся и стал озиаться. Источник звука находился где-то здесь, совсем близко. Турок в жилетке полез в карман и достал серебристый телефон. «Рыбка моя...», – продолжал звучать игривый голос. Павел заревел и рванулся, опрокидывая стол.

Парнишка в ужасе отскочил от надвинувшегося на него огромного, заросшего щетиной, чудовищного человека. Тот схватил его за воротник расшитой золотым позументом рубахи, и принялся трясти, хрипло повторяя: «Где она, мать твою?! Где она?!»

Голова у парня моталась, как у автомобильной собачки на торпедо, он хватал ртом воздух и все никак не мог закричать, потому как огромные лапищи почти совсем перекрыли доступ кислорода в легкие. Перед глазами заплясали красные круги, и парень с сожалением почему-то вспомнил, что так и не зашел в номер к одной очень симпатичной русской, а она уж так ему улыбалась, такие взгляды бросала. Тут он очнулся и увидел, что страшный человек уже не держит его за воротник рубашки, а ошалело стоит, разведя в стороны огромные руки, и с лица его прямо на грудь капает ярко-желтая жидкость.

– Твою мать, – тихо зарычал Павел, глядя, как на футболку стекает апельсиновый сок.

– Вы что, ку-ку? – спросили рядом.

Павел посмотрел на тупую дуру с пустым стаканом в руке. Ладно, он потом с ней разберется. Сначала этот. Он протянул руку и выхватил у парня телефон.

– Откуда? – спросил он тихо, но так, что парнишка и так-то перепуганный, качнулся в сторону. – Я бить не буду, – успокоил Павел. – Скажи, где взял? – Турок махнул куда-то в сторону. Павел схватил его за плечо и потащил за собой.

Бармен за стойкой, сосредоточено посмотрел им вслед, соображая вызывать полицию, или так обойдется? Нет, надо ж быть таким идиотом? Спер телефон Салим или нашел, но хотя бы отключить-то мог догадаться?

Павел размашисто шел за парнем в жилетке, не выпуская его плечо. Тот что-то лопотал, оглядывался, махал рукой куда-то вдаль, потом остановился и ткнул пальцем в землю.

– Здесь? – переспросил Павел, глядя под ноги. Мощенная плиткой дорожка шла от бассейна мимо солярия к ступенькам, ведущим к пляжу.

Турок указал на кусты, окружающие дорожку.

– Так здесь, – Павел топнул ногой по плитке, – или там? – кивнул он на кусты. Турок всхлипнул и попытался стряхнуть с плеча огромную руку. – Да не молчи ты, урод!

– Вы его сейчас до инфаркта доведете, Павел Сергеевич, – выскользнувшая из-за спины Маша, положила руку парню на другое плечо и заглянула в глаза. – Не бойся, – улыбнулась она. – Мы тебя не обидим. Покажи, где ты нашел телефон? Павел Сергеевич, да отпустите вы его!

Салим немного оживился. Если эта женщина с этим русским, может, еще и ничего. Может, и обойдется. Он же ничего плохого не сделал? Ну нашел телефон. Он хотел вернуть, честно. Он бы утром главному администратору отдал, Аллах свидетель. Только бы его не уволили. Он так долго добивался этой должности. Это хороший отель и клиенты сюда не бедные приезжают, не то что в том отеле, где он до этого работал: чаевых не дождешься, сдачу по два раза проверяют, и, не дай бог, цента не досчитаются. Салим резво полез в кусты и оттуда из глубины закричал:

– Здесь, здесь!

Маша посмотрела на Павла и засунула руки в карманы, как бы показывая, что уж в кусты-то она ни за что не полезет. Она, вообще, не понимала, чего побежала за ними. Из любопытства? Пакет со сметаной болтался на руке. Нет, не из любопытства, просто ей стало жалко бедного парня. Он так старался угодить ей. Бармен поначалу тряс головой, какая, мол, такая сметана ночью, но потом позвал парнишку-посыльного. Тот и побежал куда-то в ночной магазин. Ну, правильно, она так и думала, не может курортный город обходиться без ночных магазинов. А Павел Сергеевич-то совсем спятил, ведь едва-едва не уходил бедолагу. Кусты затрещали, раздвинулись, с них посыпалась листва, и на дорожку выбрался Павел, а затем и турок-посыльный. Павел помотал головой, стряхивая мусор, взгляд хмурый, брови сошлись к переносице.

– Ничего не понимаю. Что она в кустах делала? А ты не врешь? – Павел развернулся к турку. Тот отпрянул и замотал головой, что не врет.

Павел постоял еще немного, подышал влажным ночным воздухом. В темноте ярко выделялся прямоугольник бассейна, подсвеченный по периметру голубыми светильниками. Получалось очень красиво. Подумав немного, он шагнул на ступеньки лестницы, ведущей вниз к бассейну, к столикам и пластиковым стульям. Зачем-то прошелся по одному из бортиков. Площадка для бассейна заканчивалась террасой, с которой небольшая лестничка вела вниз на следующую площадку, где располагался еще один, детский бассейн, – с одной стороны мелкота и водяные горки, а с другой противоток. Там тоже стояли кресла, шезлонги, зонтики.

И вдруг что-то он там такое увидел, Маша не поняла что, но он вдруг побежал по лестнице, перепрыгивая через ступеньки (она еще подумала, что он сейчас обязательно сломит шею). Он мчался, отшвыривая с пути столы и стулья. Потом Павел куда-то пропал, Маша вытянула шею и увидела, что нет, не пропал, просто опустился на колени перед чем-то, что находилось там, возле бассейна, на одном из откидных кресел. И вот тут Маше стало страшно. Она

стояла на самой верхней ступеньке и не могла заставить себя сделать шаг. Ни вперед, ни назад. Надо пойти к себе, думала она, и лечь спать. Это не мое дело, это не мои проблемы, я не хочу ничего этого видеть. Но было понятно, что уходить уже поздно, потому что, то, что находилось там, в шезлонге, навсегда изменит такую простую и понятную Машину жизнь.

Павел поднял голову и посмотрел на нее сухими блестящими глазами. Голубые блики от воды скользили по его лицу, странно видоизменяя его, искажая гримасой. Маше даже показалось, что он смеется, и она чуть было не вздохнула облегченно – ничего нет, все в порядке, сейчас все разъяснится, они дружно посмеются и разойдутся по своим номерам. Павел шевельнул губами и отвернулся. Маша посмотрела ему в затылок, потом вверх на небо, она упорно не хотела смотреть вниз. Но все же посмотрела. Тонкая женская рука свешивалась до самой земли, витой золотой браслет поблескивал на запястье. Маша сделала маленький шаг вперед.

– Не подходи, – глухо сказал Павел и поднялся. Посмотрел куда-то за ее спину. Маша резко оглянулась. Невдалеке маячил посыльный. – Эй, – позвал его Павел, – позови врача... и полицию.

Глава 5

Инспектор полиции Садык Олиб сразу понял, что спокойная жизнь на этой неделе ему не грозит. А он так хорошо распланировал предстоящие выходные: жена давно просила свозить ее в Стамбул, и еще хотелось сводить сынишек в новый аквапарк. Но у Аллаха на этот счет, видать, были другие планы.

Вообще, инспектор считал, что в этой жизни ему очень и очень повезло. Его родители были не то чтобы богаты, скорее нет, но зато имели счастье состоять в родстве с одним очень влиятельным чиновником в Анкаре. Дядюшка Осман, не очень-то осыпал милостью своих многочисленных родственников, но к семье Олиба почему-то благоволил. Когда Олиб окончил Стамбульский университет и как-то долго не мог найти подходящую работу, дядюшка построил его в департамент полиции в Стамбуле. И хотя Садык не очень горел желанием всю жизнь посвятить ловле карманных воришек, дядюшка, посмеиваясь, потрепал его по плечу и сказал, что-то вроде того, что, мол, слишком ты молод еще, чтобы судить о том, чего хочешь или не хочешь, так что, слушайся старших. И Садык послушался.

Два года он исправно тянул лямку: ездил на вызовы, разбирал жалобы, составлял отчеты, получал нагоняи от начальства, пока в один прекрасный день его не перевели сюда, в этот милый спокойный курортный городок, сплошь состоящий из отелей, растянувшихся вдоль побережья.

Все в городке было подчинено туристическому бизнесу. Вскоре Садык в полной мере осознал все преимущества новой работы и неустанно благодарил прозорливого родственника при каждом удобном случае. Работа была не то чтобы легкая, а даже просто приятная. Страшных преступлений в городке сроду не случалось, ну, если только какой не в меру подвыпивший турист попадал в дорожную аварию. Нет, происшествий со смертельным исходом, конечно, хватало, но были это все какие-то нелепые смерти: то утонет кто-то, то вот убьется на машине, один умудрился на водных лыжах шею свернуть. В основном инспектору приходилось расследовать мелкие, очень мелкие преступления, вроде украденных кошельков и чемоданов.

Люди на отдыхе, как правило, были беспечны, но Садык и не думал осуждать их за это. Благодаря их беспечности, он мог теперь совсем не беспокоиться о будущем. Всех карманников и мошенников инспектор за восемь лет своей неустанной работы прекрасно знал в лицо. А уж они-то как его знали! Если туристу очень-очень хотелось вернуть утерянное имущество, имущество находилось, как по волшебству, а умиленный счастливчик со слезами изумления благодарил храбрых полицейских. Нельзя, правда, сказать, что данная благодарность оседала в одних только Садыковых карманах, но и того, что оставалось, с лихвой хватало на содержание просторного уютного домика, тихой улыбчивой жены и двоих темноглазых кудрявых мальчишек; а в последнее время Садык всерьез задумывался еще и о маленькой пухленькой девочке.

Инспектор прибыл в отель через двадцать минут после телефонного звонка. Жена, конечно, проснулась и побежала провожать. «Ах, – сказала она, щуря сонные глаза, – как же много пьют эти русские, даже женщины». Садык тоже почему-то был уверен, что дело очень простое. В холле его встретил перепуганный управляющий. Немец. И на его лице явно читалось беспокойство – престижу отеля мог быть нанесен непоправимый урон. Будь его воля, он бы заселял в отель только соотечественников, но, увы! Приток русских туристов приносил немалый доход.

Инспектор посмотрел на бледное хмурое лицо управляющего, понял все его нехитрые размышления, усмехнулся про себя и попросил проводить на место происшествия. Первым делом он распорядился отогнать любопытствующих и только тогда быстрым цепким взглядом охватил всю картину. На топчане, свесив руку, лежала молодая женщина в светлом летнем сарафане в такой умиротворенной позе, что казалась просто спящей. Если бы не доктор, маяв-

шийся рядом со своим саквояжиком, Садык так бы и подумал. На соседнем лежаке, отвернув голову в сторону, сидел мужчина. Инспектор видел только темные волосы на затылке да сторбленную спину. Невдалеке маячила еще одна фигура – женщина в чем-то светлом с пакетом в руках. Она топталась у края бассейна, словно решая уйти или остаться.

Садык подошел и нагнулся над мертвым телом. Он все понял сразу, у него было университетское образование и стаж работы в полиции десять лет, и карманники, которых он знал в лицо, и еще интуиция, которая сказала ему, что выходные пропали – напрасно Хайрим выбирала себе наряд для поездки в Стамбул. Для вида он еще переговорил с врачом, но и так все было ясно. Мужчина вдруг резко встал и повернулся к нему, высокий, крепкий, плечистый. Сосредоточенное лицо, немного удивленное. И еще он непрестанно курил. И руки у него ничуть не дрожали, когда он доставал из пачки очередную сигарету. Что это, хорошие нервы или его не очень взволновала смерть жены? То, что это жена ему рассказал управляющий, и еще добавил: «Очень, очень, солидный клиент, не первый раз в нашем отеле, и герр Дедрих с ним дружбу водит. А герр Дедрих наш очень, очень важный клиент...»

Красивая женщина, почему-то подумал Садык с сожалением. Очень красивая. Он не представлял, кто мог поднять руку на такую красоту. Или в этом все и дело? Красивая женщина, ревность... Значит, муж? Или кто-то из ее любовников? В том, что у убитой был не только муж, Садык не усомнился ни на секунду. Он работал в полиции уже десять лет. С чем только он не сталкивался за это время... Очень, очень плохо. Завтра по отелю поползут слухи, потом по городку, потом... потом хозяин отеля позвонит начальству, и Садыка вызовут на ковер. Пропали выходные!

***

Когда Маша все же добралась до номера, состояние у нее было не то чтобы истерическое, но близкое к тому. Пакет со сметаной так и болтался на руке. Ночь почти кончилась, новый день вползал в окно ярким сиянием, встающего где-то на краю моря, солнца. Люди в своих номерах уже начали просыпаться, ворочаться в постелях, с удовольствием осознавая, что это, нет, не дом, а то самое райское место, где нет будильников, начальников и понедельников. И только бедная Яна уже не проснется.

В голове у Маши не укладывалось, как такое могло произойти? Кто мог ее убить так... жестоко? Павел Сергеевич? Этот вариант Маша отмела сразу. А кто? Что она делала с двенадцати дня до двенадцати ночи, куда убежала, где находилась? Кто смог так близко подойти к этой избалованной красивой женщине, так близко, что она даже не успела испугаться, когда сильные руки сомкнулись на хрупком горле? Павел Сергеевич мог бы, но он этого не делал. Или он? Эта версия, похоже, устраивает всех, и полицию в первую очередь. Но какие у них доказательства? Маша не знала. Только видела, как Павел в сопровождении полицейских пошел в свой номер. Маша, конечно, побежала следом, только внутрь ее не пустили. А через какое-то время Павла Сергеевича вывели уже в наручниках, и повели по коридору на выход. Уже на улице он, казалось, очнулся, покрутил головой, углядел мнущуюся в стороне Машу, удивился вроде, потом крикнул: «Дозвонитесь до Красовского!» Маша кивнула, а потом долго еще стояла, глядя вслед удаляющимся огням полицейской кавалькады.

Она позвонит, конечно, Красовскому. Только чем сможет помочь юрисконсульт? Он, может, чего в составлении договоров и шарит, но в уголовных делах-то вряд ли. К тому же это не Россия... Да еще обгоревшие плечи не давали покоя. Маша решительно скинула надоевшую одежду, посмотрела на пластиковую банку сметаны, не сметаны, но чего-то явно молочного, и решительно сорвала целлулоидную крышечку.

Она набирала номер с упорством маньяка, снова и снова. Красовский упорно не отвечал, и тогда она отправила ему сообщение, с просьбой перезвонить. Потом набрала другой номер.

Тут ей повезло больше, абонент почти сразу отозвался веселым: «Привет! Как дела, малыш?» Она разговаривала долго, очень обстоятельно, пока телефон не подал сигнал, что звонят по другой линии.

Красовский по обыкновению отвесил Маше пару сомнительных комплиментов. Маша скривилась, но промолчала и тут же вывалила на беззаботного юриста арест шефа по обвинению в убийстве жены. Веселость того, конечно, сразу как рукой сняло. Он ошеломленно выслушал Машины объяснения и пообещал перезвонить позднее, как только что-нибудь выяснит. Вот так. Маша немного перевела дух и оглядела себя в зеркале – сметану уже, пожалуй, можно смывать. Просьбу шефа она выполнила, а остальное ее не касается. Павел Сергеевич большой мальчик – справится. У него деньги, связи, Красовский, опять же. Справится как пить дать. Утешив себя, таким образом, немного, она пошла в душ, и вскоре забылась неглубоким спокойным сном.

***

Павел тупо смотрел в потолок, пытаясь как-то упорядочить хаотично прыгающие мысли. Арест если и удивил его, то совсем не выбил из колеи – что-то в этом роде он и предполагал. Как только нагнулся над телом жены. Слишком часто в прежней жизни он встречал смерть, чтобы не почувствовать ее присутствие сразу. Для вида еще, конечно, пощупал пульс на холодной безвольной руке, но... А потом нагнулся ближе и в слабом отсвете иллюминации разглядел темные пятна на бледной шее, и тут уже неотвратимость происшедшего накрыла сразу, с головой, как морская коварная волна беспечного купальщика. Он захлебнулся немим криком, рванул ворот футболки, быстро и коротко подышал, восстанавливая дыхание. Кто? Зная Яну, он мог предположить все что угодно – от банальной интрижки, до... Но кто? Кого она могла довести до такого состояния, что?... Кого угодно, ответил он сам себе. Например, его.

Пока ожидался приезд полиции, Павел прокручивал в голове различные варианты, но по всему выходило, что убийство не было запланировано. Не могло быть. Яна здесь впервые и никого не знает. За эти три дня никто из знакомых ей не попался. Или попался, но она об этом Павлу не сказала? Значит, случайная жертва? Местный маньяк, одуревший от сексуального воздержания и обилия обнаженной женской плоти? Если так, то у полиции два выхода: искать маньяка, переполюсовив весь курортный городок или свалить все на первого встречного, дабы успокоить общественность. Желательно, чтобы этот первый встречный был таким же туристом, иначе люди начнут бояться приезжать в этот райский уголок. Черт! Кажется, он попал. Он совсем упустил из виду – это не маньяк: никаких следов насилия он не разглядел, одежда в порядке, никаких синяков на теле, кроме тех, что на горле. И это не банальное ограбление: все ценные вещи на месте – и золото, и сумочка с деньгами и кредитками. Все, кроме телефона, но телефон нашел парень-служащий в кустах. Если не врет, конечно.

Да, телефон заслуживает особого внимания. Как он там оказался? Невозможно представить, чтобы Янка в своем льняном сарафанчике, на каблуках, лазила по кустам. Значит... Значит, его там потерял убийца. Зачем ему забирать телефон? Если только там не было чего-то такого, что могло выдать его. Значит, Яна знала его. Знала и, скорей всего, звонила ему.

Павел шумно выдохнул. Жалко он не сразу это сообразил. И не проверил Янин телефон. А потом, когда полиция стала настаивать на осмотре номера, Павел и вовсе впал в ступор, и было отчего. На журнальном столике веером лежала пачка ярких глянцевых фотографий. И на них... Яна обнимает незнакомого Павлу мужчину, Яна целуется с кем-то, явно не с ним, Павлом, и все в таком духе. Фотографий пять или шесть. Пока он изумленно таращился на снимки, полицейский с такими черными ухоженными усами, явно главный в этой компании, скептически хмурился и понимающе глядел ему прямо в глаза.

Потом из ванны вытащили футболку с кровавыми пятнами, и все стало еще хуже. Полицейский не очень хорошо говорил по-русски, а Павел не знал английского, так пару слов где-то

когда-то запомнил. Зато он хорошо говорил по-немецки, но этого языка полицейский и вовсе не знал. В результате на него нацепили наручники и повели в тюрьму. Павел даже особо не возмущался. Он и не из таких передраг выбирался когда-то. Хотя нет, из таких, пожалуй, не выбирался. Ладно, он все равно сейчас ничего не сможет изменить. Теперь, если эта дуриша-секретарша (кой ляд принес ее в этот отель, хотелось бы знать?) сможет сообщить Сашке Красовскому обо всем, то в дело вступят адвокаты и прочая тяжелая артиллерия, а если нет, то придется как-то выпутываться самому. Ну и ладно, он выпутается. Наверное. Янку только жалко, взбалмошную, яркую, непредсказуемую девчонку, ворвавшуюся пару лет назад в его жизнь в снежном вихре на Альпийском склоне. С этими горькими мыслями Павел уснул, заложив руки за голову на жесткой койке маленькой камеры отделения полиции, небольшого турецкого города Сиде.

***

Маша шла по узкой улице вытянутого вдоль побережья городка, всматриваясь в названия магазинов, попутно улыбаясь многочисленным зазывалам, наперебой расхваливавшим свой товар. Но ей нужен был только один конкретный магазин. Наконец она увидела искомую надпись и бодро вошла внутрь. Колокольчик на двери звякнул, на звук высунулся продавец, степенный, смуглый, улыбчивый, который, как ни странно, узнал ее.

Этот феномен всегда поражал ее – даже купив какую-то ерундовину, а иногда и ничего не купив, каким-то непостижимым образом ты надолго оставался в цепкой памяти турецкого продавца. Особенности национальной торговли? Мужчина улыбался ей так, как будто и дел у него никаких больше в этой жизни не было, только сидеть и ждать, когда Маша придет покупать его восточные сувениры. Но в этот раз Маше не нужны были сувениры, ей нужна была всего-навсего лупа, обыкновенная лупа. Правда, в Турции не могло быть никакой такой обыкновенной лупы. Это была не лупа, а настоящее произведение искусства: деревянная ручка щедро изукрашена резным узором, так же, как и латунный ободок, держащий линзу. Маша вздохнула, поторговалась для приличия, выпила предложенный чай, выслушала массу комплиментов, расплатилась, еще раз послушала, какая она вся такая-расстакая и бодро двинулась в направлении одного очень уютного ресторанчика.

Там они в прошлом году отмечали родительский юбилей – двадцать пять лет совместной жизни. Какая-то там свадьба. То ли золотая, то ли серебряная. Родители и сами запутались. «Видишь ли, малыш, мы с мамой знакомы дольше, чем женаты. И по секрету тебе скажу – ты у нас, вообще-то, незаконнорожденная. Тебе было года полтора, когда мы с мамой все же наскребли денег на белое платье и шампанское». Мама смеялась и обзывала папу соблазнителем невинных студенток. На столе горели свечи, виселись горы толстых отборных креветок, журчал фонтан, негромко играла напевная восточная музыка, пенилось пиво в высоких запотевших бокалах. «Юбилей с шампанским это так банально? Да, дорогой?»

Маша пристроилась в уголке, заказала неизменный кофе, салат, рыбу и выложила на стол лупу. Сейчас она чувствовала себя по меньшей мере Шерлоком Холмсом. Ей в руки попала загадка и она, Маша, должна ее разгадать, во что бы то ни стало.

Проснувшись сегодня утром, Маша с радостью обнаружила, что краснота спала, не совсем, конечно, но лицо уже не светилось ярко свекольным цветом. Она умылась, причесалась и тут вспомнила события минувшей ночи. И как она не уговаривала себя, что все это не имеет к ней ни малейшего отношения, мысли то и дело возвращались к Павлу. Павлу Сергеевичу. Как он там, на нарах? Почему-то турецкая тюрьма представлялась ей исключительно в виде казематов замка Иф, где с потолка капает вода, под ногами мечутся огромные жирные крысы, а в миску с вонючей тюремной баландой так и норовит свалиться какой-нибудь местный, отвратительный таракан.

На пляже ей сегодня было делать нечего и ноги сами принесли ее на место вчерашнего происшествия. Странно, люди купались в бассейне как ни в чем не бывало. Она прошла к лежакам. Все убрано, лежаки переставлены. Вчера лежак, где нашли Яну, был повернут спинкой к бассейну. Если бы не рука, свесившаяся вниз, может быть, ее и нашли бы только утром. Какая-нибудь мамочка с малышом наткнулась бы на бездыханное тело, вот было бы переполоху! А так ничего, купаются себе и ведать не ведают, какая трагедия здесь развернулась. За что же арестовали Павла?

– Вы не знаете, где мне найти Салима? – спросила Маша, подходя к барной стойке.

– Салима? – бармен почему-то удивился.

Маша достала из кармана брюк купюру, помахала у него перед носом и положила на столешницу, знаком показав на кофейный аппарат.

Официант кивнул, слизнул бумажку едва заметным движением, поставил чашку под сопло и нажал кнопку, думая, как все же несправедлива жизнь – какой-то Салим, мальчишка еще, а вот, поди ж ты, охмурил такую славную светленькую туристочку. Совсем свеженькую и не бедную, судя по всему, а вот ему, скорей всего придется сегодня ублажать толстую потную Эльзу.

Кофе почти закончился, когда за стеклянной дверью замаячила унылая фигура Салима. Маша кивнула ему издали и неторопливо направилась в сторону моря, чувствуя себя разведчицей на задании. Салим понуро плелся следом. Возле высокого парапета перед спуском на пляж Маша остановилась, ожидая, когда же посыльный доплетется до нее.

Салим украдкой огляделся. Он отнюдь не разделял оптимизма Керима, который сообщил, что русская девица ищет его для чего-то такого эдакого... Ну так и есть, снова разговоры про вчерашнее. Хотя она обещала отблагодарить за информацию. Ладно, пара лишних долларов никогда не помешает. Он приободрился и охотно рассказал все, что успел услышать от полицейских, а также из разговоров управляющего с дежурным администратором. Те-то очень боялись, что поползут слухи, потому и Салима не отпустили, хотя его смена давно закончилась. Велели никуда не отлучаться и не болтать, разумеется, лишнего. Любопытная русская как услышала про фотографии да про кровь на футболке, так и завертелась, и стала такое предлагать, что Салим четко понял, почему его дядя, называет их «эти чокнутые русские». А дядя знает, что говорит: у него магазинчик на углу, туда Салим, кстати, за йогуртом для нее бегал. Вот зачем ей среди ночи йогурт понадобился? Вот она-то как раз чокнутая. Если он согласится, его с работы точно попрут. Но деньги так заманчиво хрустели в ее руках, совсем новенькие, будто только-только из банка. И Салим не устоял.

И вот теперь Маша, склонившись над столом, старательно изучала изображение через увеличительное стекло. Она и сама не поняла, с чего ей пришло в голову пробраться в номер Павла. Скорей всего интуиция – папа мог бы гордо сейчас добавить что-нибудь про наследственность. Когда Салим, отчаянно трусая, открыл ей номер, она опять почувствовала себя уже не разведчицей, а сыщиком-любителем: что-то вроде «следствие ведет дилетант». Хотя какой же она дилетант? Она – Ниро Вульф и Арчи Гудвин в одном лице, два в одном. Маша совсем не представляла, что она будет искать, но раз уж пришла надо хоть что-то сделать. Она заглянула в шкаф, осмотрела ряд баночек и флакончиков на тумбочке у зеркала, приподняла подушки. Нет, никаких тебе кровавых надписей или записок с угрозами, ни потерянной зажигалки с инициалами убийцы. Ниро с Арчи растерялись. И вот уже когда Маша совсем сникла, тут-то и обнаружилась фотография под кроватью. То ли полиция в спешке выронила, то ли сам Павел, когда обнаружил фотоснимки. Так, стоп, а когда он их обнаружил? Этого Маша не знала. Салим сказал, что Павел удивился, увидев снимки, оторопел даже. И было отчего.

На том снимке, который достался Маше, Яна нежно прильнула к груди статного красавца. У красавца были смуглые скулы, густые темные кудри, выразительные губы и фигура атлета.

Красота! И что это значит? Все что угодно. Павел мог увидеть это, рассвирепеть и... а потом ломать комедию, где моя жена, ах, ах! Тогда вопрос, откуда взялись эти пресловутые фотографии? Кто-то же их принес. Кто? И когда? Вот если она это узнает, она и убийцу найдет. Так Маша это поняла. Судя по тому, с какой легкостью Салим согласился открыть ей дверь в номер, это особого труда ни для кого не представляет. Он, конечно, поломался для приличия, боюсь, мол, но Машу не особо убедил. И, действительно, вскоре прибежал с ключом. Где взял? Сказал, у горничной. Спер, стащил просто. Молодец. А Маша долго у себя в номере снимок разглядывала, вертела и так и этак. А потом, кажется, поняла, в чем дело, но для верности решила все же проверить наверняка. Потому и пошла в жару, в самое, можно сказать, пекло, искать пресловутую лупу. Пришлось надеть длинную юбку и кофту с рукавами, а еще шляпу с полями нацепить: немилосердное солнце нещадно терзало опаленные давеча щеки и нос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.